Л.В.СКВОРЦОВ

РОССИЯ ПЕРЕД ПРОБЛЕМОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА

Определение места России в современном мировом цивилизационном пространстве невозможно без расшифровки феномена «глобализации». Многие политики говорят о глобализации как о возникшей на переломе XX и XXI вв. и приносящей общее благо очевидности, связанной с усилением глобального влияния Америки. Было бы нелепо отрицать очевидность. Однако очевидно и то, что трактовка глобализации как «триумфального», «исторического» и «неотвратимого» процесса нередко подается широкой публике без особых доказательств. Между тем, как заметил проф. Д.Белл, уместно вспомнить слова Джорджа Оруэлла, который сказал, что полемически благородные прилагательные нередко используются для придания величия грязным делам в мировой политике.

Международная научная мысль скептически воспринимает широковещательные пропагандистские декларации. Она стремится определить реальную сущность глобализации. И здесь обнаруживаются серьезные расхождения в его трактовке. Выдвигаются, как это определил Д.Белл, четыре основных тезиса, вокруг которых сегодня развертываются дискуссии[1]: 1) тезис о принципиальной ***новизне*** феномена глобализации; 2) тезис о глобализации как ***возвращении*** в ис-

[1] См.: Bell D.S. History and globalization: reflections on temporality // Intern. affairs. – 2003. – Vol. 79, N 4. – P. 80–84.

торическое прошлое; 3) тезис о глобализации как ***продолжении*** в международной жизни основных сложившихся долгосрочных тенденций; 4) тезис о глобализации как ***трансформации*** современного мирового порядка путем реализации в политике различных возможностей.

Тезис о принципиальной новизне – это взгляд на глобализацию как на явление, не имеющее каких-либо аналогов в историческом прошлом. Глобализация рассматривается как определяющий фактор формирования единого мирового порядка, радикально изменяющего сложившиеся экономические, политические и культурные связи.

Эта позиция прокламируется неолибералами, такими как Кеничи Омаэ. С их точки зрения, глобализация экономической активности подрывает роль государства и влечет за собой революционные изменения во взаимодействии людей. Неолибералы полагают, что многие ключевые ценности, которым следовала либеральная демократия, требуют изменения и даже вытеснения. Среди них такие понятия, как нация – государство (nation – state) и политический суверенитет.

Если с этой точки зрения попытаться оценить стратегию политики вхождения России в мировую цивилизацию, которая была принята в период правления президента Ельцина, то нельзя не признать, что она совпадала (осознанно или неосознанно – это другой вопрос) именно с концепцией неолибералов. Даже невооруженным глазом в этой политике отчетливо просматривались пренебрежение государственными интересами России и отказ от последовательного проведения принципа суверенитета.

Эта политика открыла все двери для так называемой обвальной приватизации, приведшей к деструкции многих отраслей национальной промышленности и сельского хозяйства и вместе с тем беспрецедентному по своим масштабам переводу российских капиталов за границу. Как это заметил телевизионный обозреватель первого канала Михаил Леонтьев, во всем этом отчетливо просматриваются элементы компрадорской политики. Все это – проявления целенаправленной ***политики,*** имеющей под собой узкие частные интересы формирующейся олигархии, прикрываемые тезисом о принципиальной новизне того порядка, который несет с собой глобализация.

Очевидно, что компрадорская политика не является чем-то принципиально новым. Скорее – это возврат к тем отношениям, которые уже складывались между развитыми капиталистическими странами и теми странами, которые только что освободились от колониальной зависимости.

Значит ли это, что феномен глобализации можно свести к восстановлению неоколониальных отношений, но теперь уже не только с бывшими колониями, но и с бывшей сверхдержавой? Именно такие тенденции современной политики питают взгляд на глобализацию как повторение тех порядков, которые существовали еще до Первой мировой войны. Этот взгляд имеет достаточно широкое распространение. Такой точки зрения придерживаются теоретики радикального левого толка – Р.Байель, А.Каллиникос, Л.Пантич, П.Гоуан и др. Они считают, что Соединенные Штаты Америки в результате распада сложившегося после Второй мировой войны соотношения сил подхватили мантию мирового гегемона, которую в XIX в. носила Великобритания. Самир Амин в этой связи утверждает, что империализм – это не стадия и даже не высшая стадия капитализма: с самого начала он внутренне присущ капитализму[1]. Если логика капиталистической истории постоянно воспроизводит себя, то тогда вполне оправдан и радикальный скептицизм в отношении утверждений, будто глобализация – это нечто принципиально новое в системе международных отношений. Левые радикалы считают, что нет ничего нового в скрытой цели глобализации.

Такого рода скептицизм присущ не только радикальным левым, но и консервативным историкам, которые полагают, что глобализация – это лишь новое слово, придуманное для того, чтобы распространять на других свои взгляды и свою политику. И естественно, они аплодируют такой политике.

Интересную точку зрения на процессы глобализации с позиций критического марксизма высказывает Александр Бузгалин. Глобализацию он рассматривает как позднекапиталистическую форму интернационализации. Для этой формы характерен рост так называемого ***превратного*** сектора (финансовый рынок, военные блоки, милитаризм и бюрократия), в которых сосредоточивается процесс глобализации. Разви-

[1] См.: Amin S. Imperialism and globalization. Цит. по: Bell D.S. History and globalization: Reflections on temporality // Intern. affairs. – 2003. – Vol. 79, N 4. – P. 804.

вая превратный сектор, корпоративный капитал укрепляет свою гегемонию, вступая при этом в противоречие с национально-государственными системами регулирования и социальной защиты.

Согласно А.Бузгалину, в настоящее время зарождаются позитивные интернациональные механизмы глобального программирования и регулирования мировой экономики в качестве альтернативы неолиберальной глобализации.

Таким образом возникли взаимоисключающие теоретические позиции в оценке глобализации. Каждая из них отражает какие-то реалии современных процессов. Но вместе с тем подчас отражает в каком-то одном крайнем ракурсе.

Крайним точкам зрения противостоят взгляды тех теоретиков, которые считают, что массированные глобальные политические изменения имеют глубинный характер, происходят крайне медленно и поэтому неверно характеризовать глобализацию как возникшее на переломе веков радикально новое явление или полагать, что можно быстрым способом вернуться назад к отдаленным по времени формам управления мировым порядком.

Если отношения между ведущими державами в современном мире складываются на основе длительно действующих геополитических, экономических, цивилизационных, исторических тенденций, то тогда возникшая в XX в. «холодная война» не была каким-то случайным историческим зигзагом. Казалось бы, «странные» взлеты и падения в отношениях между державами после «холодной воины», несмотря на словесные заверения лидеров в личных симпатиях друг к другу и вечной дружбе, подтверждают эту истину.

Так как же сегодня следует толковать массированные глобальные изменения? С одной стороны, доминирующей тенденцией представляется постепенное, но вполне заметное формирование региональных блоков – процесс, который длится десятилетиями и становится вызовом глобализации; с другой стороны, существует убеждение в том, что риторика глобалистов о глубинной миротрансформации не является убедительной, поскольку сохраняются постоянные черты системы международных отношений.

Реальная политика России не может не учитывать того факта, что многие постоянные черты международных отношений остаются не затронутыми глобализацией. Это — во-первых. Во-вторых, следует учитывать и тот факт, что трансформация современной мировой

экономики характеризуется ***триадизацией***, т.е. образованием экономических зон, центрами которых являются Европа, Япония и Соединенные Штаты Америки. «Глобализация», таким образом, не является абсолютной. Следует также исходить из того, что, поскольку в системе международных отношений доминирует традиционная логика реальной политики, государство остается первостепенным по важности бастионом политики, отнюдь не подверженным эрозии под влиянием разрушающих суверенитет цунами глобального капитала. Власть и собственные интересы государств будут и дальше формировать глобальный ландшафт мировой политики. Нельзя в этой связи не заметить, что современная внешняя политика России, учитывая все эти факторы, взятые вместе, вносит существенные коррективы в тот внешнеполитический курс, который осуществлялся в 90-е годы. Но это лишь одна сторона проблемы глобализации. Есть и другая ее сторона.

Бесспорным является факт интенсификации взаимозависимости экономик, распространения в различных регионах самых передовых технологий, товаров и услуг независимо от страны, их производящей, формирование общей информационной галактики, которая охватывает все регионы планеты.

На эти важные аспекты глобализации и делают акцент сторонники концепции трансформации. Концепция трансформации исходит из того, что глобализация влечет за собой сдвиг в структуре ***всего глобального порядка.*** Однако сторонники этой концепции не считают это явление беспрецедентным. Глобализация в той или иной форме характерна и для эпохи становления и утверждения капитализма, эпохи модерна. Однако сегодня речь идет не только об экспансии влияния, но и о ***качественном изменении характера глобальных вызовов.***

Теоретики трансформации полагают, что этот качественный сдвиг потенциально заключает в себе различные возможности – как позитивные, так и негативные. Дэвид Хелд, например, исходит из того, что глобализация в долгосрочной исторической перспективе содержит возможности глубоких противоречий и будет во многом формироваться вероятностными факторами. Глобализация создает и новые великие возможности, но и порождает новые грозные опасности. Соответственно, речь должна идти о выработке динамичной и открытой концепции относительно того, куда может привести глобализация и какой мировой порядок следует считать ***оптимальным*** в

качестве стратегической цели мировой политики. В этой связи нельзя не видеть, что одним из важных аспектов обсуждения этой проблемы является выяснение различий и взаимосвязи ***глобализации и интернационализации.***

Глобализация обычно понимается как глобальное распространение ***общих стандартов*** в экономике, политике, технологии и культуре. Иными словами, внутренняя потенция глобализации – это всемирная стандартизация, унификация жизни на планете.

Интернационализация предполагает ***сохранение*** цивилизационной ***идентичности,*** а значит, и цивилизационное многообразие. Но при этом цивилизационные различия соединяет общий диалог, взаимная адаптация культур. Глобализация, если она становится антиподом интернационализации, вступает в глубокое противоречие с историческими традициями народов и чревата *столкновением* цивилизаций.

«Человек уже понял, что если бы он, как высший результат биологической эволюции, решил вытеснить с земли все “низшие” виды жизни, то не смог бы выжить и сам. Теперь ему осталось для собственного выживания понять еще одну истину: для сохранения цивилизационной жизни необходимо цивилизационное многообразие. Эрозия этого многообразия неизбежно приведет к эрозии цивилизационной жизни вообще»[1].

Эта позиция Центра гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН совпадает с позицией ученых Кембриджского университета, которые рассматривают феномен глобализации с двух обобщающих точек зрения. Во-первых, глобализация определяется как прогрессирующее увеличение влияния локальных или региональных явлений на весах социальных процессов мирового уровня. Во-вторых, глобализация не считается чисто западным феноменом. Исследователи формируют новую карту глобализации, анализируя ее древние и современные, западные и восточные измерения.

Как представляется, принципиально важной является позиция ученых Запада, которые обладают интеллектуальной силой противодействия влиятельной точке зрения, согласно которой цивилизационные потоки должны иметь ***одностороннюю направленность: from the***

[1] См.: Россия и мусульманский мир. – М., 2002 – № 5 (119). – С. 15.

«West» to the «rest», т.е. от «Запада» и только от Запада ко всем «остальным». Анализ истории мировых империй и мировых религий, сложных процессов взаимосвязей различных регионов мира показывает, что цивилизации, империи, нации как другие общности людей не могут рассматриваться как монолиты; они пронизаны порами и способны к массивным трансформациям, и это – результат взаимодействия культур на протяжении последнего тысячелетия. Историки Кембриджа приходят к выводу, что каждый последующий этап глобализации опирается на результаты предыдущего этапа в формировании парадигм торговых отношений, форм потребления и коммуникации.

Так что глобализация началась не с усиления мирового влияния Америки. В этом смысле нельзя считать XX век ни концом истории, ни началом глобализации.

В этой связи возникает вопрос: каков механизм коррекции позиций держав и народов в цивилизационном диалоге?

С прогрессом общества фактор культуры становится все более весомым в определении правильной стратегии развития.

Глобализация сегодня выносит на суд народов основные исторически сложившиеся императивы цивилизационных истин.

Представлялось очевидным, что сохранность цивилизации зависит от устойчивой экспансии ее субъекта – человека. Лозунг «Плодитесь и размножайтесь!» – эта очевидная цивилизационная истина – оборачивается своей противоположностью тогда, когда безудержная демографическая экспансия неизбежно влечет за собой поглощение всего живого на земле – и растительного, и животного мира.

Казалось также очевидным, что укрепление и развитие цивилизации определяется безграничной экспансией техники и технологий, обеспечивающих все возрастающий комфорт жизни. Однако, как оказалось, неограниченная экспансия техники также влечет за собой исчезновение естественной среды, в которой только и возможно выживание человека.

Традиционные идеологии уже не дают ответа на эти ключевые вопросы современной жизни.

Специфика современной ситуации определяется не только кризисом традиционных идеологий. В силу глобализации сферы циркуляции знаков и знаковых систем, беспрецедентного развития всеохватывающей информационной среды человек оказывается в

специфическом киберпространстве. Скотт Лэш в своей работе «Критика информации» (2002) утверждает, что современный человек является заключенным в информационной тюрьме. Соответственно, наступает новый век: век информационной культуры и культуры дезинформации. Изменяется и основание влияния и гегемонии в современном мире.

Иными словами, речь идет о глубоком культурном сдвиге, который порождает новые проблемы и противоречия.

Вот почему сегодня во весь рост встала и проблема ***нового понимания диалога цивилизаций*** не только в его горизонтальном измерении как диалога ***между*** цивилизациями, но и в его *вертикальном* измерении – как исторического диалога цивилизации в форме ее ***саморефлексии,*** нахождения общего выхода из возникших тупиковых ситуаций.

Именно этот аспект глобализации и является той неочевидной, скрытой, но вместе с тем ключевой проблемой современности.